

СЕКРЕТЫ
КОНДИЦИОНИРОВАННОГО
БАГРОВОГО ОКО

www.vodkamagazin.ru

Annotation

16-летний Конан участвует в соревновании на выживание в Шадизаре. Приз — алмаз "Лунная льдинка".

- [Гидеон Эйлат.](#)
-

Гидеон Эйлат.

Лунная льдинка

Когда смрадный и многоголосый вечер вступил в свои права, затянув сумраком торговые шадизарские улочки, эту девушку облюбовал Очаровашка. Она назвала его так, едва заметив. Вовсе не в насмешку. Не за горб, которому позавидовал бы дромадер пустыни, не за плоскостопные и разные по длине ноги, не за идиотскую ухмылку и скошенный крысиный подбородок. За величину кошелька, что чарующе позвякивал в такт утиной походке.

Заметив в глазах стройной молодой девушки искорки алчности, он, казалось, прибавил ростом. Природа обделила его статью и красотой, но ему как-то ни разу не довелось об это всерьез пожалеть. Говорят, не родись красивым, а родись богатым. Сынья звон золота, шлюхи под фонарями никогда не отвечали ему надменным «отстань, урод»; околдованные желтым блеском монет, в ласках они проявляли чудеса изобретательности. И восклицали потом, сгребая заработанные деньги слегка дрожащими от волнения руками: «Вот это куш! Да ты просто очаровашка! Приходи еще, красавчик, тут теперь все твое!»

Он оценивающе посмотрел на избранницу. Еще издали зоркие глаза выхватили ее из полутора десятков гуляющих девиц в красных платьях, которые группами и поодиночке толклись у перекрестка и подзывали, а то и за руки хватали хорошо одетых горожан. Она стояла в стороне от других — высокая, с броской внешностью. Шлюхи зловеще косились на нее, мужчины с головы до ног облизывали похотливыми взглядами.

Очаровашка частенько заживал по этим улицам, но ни разу ее не встречал. Иначе и быть не могло; она появилась только сегодня. И сразу из-за нее вступили в схватку двое сутенеров, которые прежде неплохо ладили друг с другом. Побежденный ушел, скуля и баюкая сломанную челюсть, победитель услышал томное: «Ладно, цыпленочек, будь по-твоему» — и оставил ее в покое, уверенный, что завтра утром получит свою долю выручки, а может быть, и ласки.

Она успела грубо отшить нескольких жуликоватых на вид безденежных сластолюбцев, но при виде Очаровашки не колебалась ни мгновения. Сразу кивнула с улыбкой и ушла с ним в извилистый и мглистый переулок, а вслед полетело чуть ли не хоровое: «Сука!» Золото в атласном кошельке волнующе позвякивало, а сталь, греясь между красным шелком платья и нежной кожей бедра, ждала своего мига.

* * *

В углу скрипнула половица — нет, не померещилось, в третий-то раз никак не могло померещиться. Словно вторя ей, скрипнули от отчаяния его зубы. В глубине дома прошуршал тяжелый засов, лязгнула щеколда, клацнул замок — все, обратный путь отрезан! А впереди и вокруг ждут в кромешном мраке слуги ростовщика, и не с пустыми руками ждут — видел он их дубинки и кинжалы вчера при свете дня, когда бродил по огромному дому под видом заезжего краснодеревщика, осматривая комнату за комнатой и чинно внушая хозяину: «Здесь бы ковер турецкий в аккурат лег, ваша милость, есть у меня один — дороговат, но до чего ж роскошен! Да и сносу не знает. А вот ту мы, с вашего позволения, кроватку бы поставили под

балдахином, оно понятно, что кроватка в спаленку нужна, да ведь они и в гостиной не помеха. А жаровенку я б заменил, больно уж ваша невзрачная; только пожелайте, мы вам из витой бронзы доставим, настоящей аквилонской работы».

Вчера ему казалось, что годы проведенные в подмастерьях у знаменитого умельца, не пропали втуне, — ростовщик внимал, разинув рот, у его домочадцев блестели глаза, когда молодой немедиец, прилично одетый и с располагающей внешностью, со знание дела описывал то или иное чужеземное мебельное чудо, которое он брался доставить через неделю. В конце концов ударили по рукам, и лжекраснодеревщик получил задаток — сумму, надо сказать, смехотворную. Зато уходя, он знал главное: где в этом доме хранятся деньги.

Замок на входной двери уступил легко и беззвучно; с отмычками лжеремесленник управлялся куда сноровистее, чем с долотом и теслом. Впрочем, и долото сгодилось — оно пролезло в замочную скважину и приподняло засов, а вскоре петля на кончике бечевки, пропущенной между дверью и притолокой, затянулась на конце засова. Дверь отворилась без скрипа — не зря перед этим он, набрав полный рот орехового масла, струйкой выпустил его в щель, за которой находились литые чугунные петли. Ухмыляясь, он переступил через порог и угодил в ловушку.

Снова заскрипела половица, и он, даже не напрягая слух, уловил сопение. Кто-то таился во мраке... Возможно, ждал сигнала...

Справа под дверью появилась желтая полоска. Вор напрягся, выставил перед грудью долото — остро заточенное, оно сойдет за кинжал, если придется защищать свою жизнь. Дверь резко распахнулась. За ней стояли люди с факелами и фонарями. Пламя ярко освещало равнодушные, нисколько не удивленные лица.

Долото полетело на пол — сопевший во тьме человек с дубиной давно рассчитал удар. В грудь вора уперся клинок. Почти к самому лицу приблизился факел.

— Это он, — блеклым голосом сообщили хозяину дома.

* * *

— Ну так вот, выехали, значица, мы за ворота, добрались до лесочка — его отсюда видать, с южной башни, — рассказывал мечник, баюкая на коленях правую руку; рану под грязной повязкой жгла подозрительная мазь, второпях наложенная пьяным коновалом. — Добрались, значица, а навстречу — шасть из-за деревьев! Здоровенные лбы, такими хоть заместо таранов ворота крепостные просаживай. У каждого топор, что твой жернов, на башке шлеп с прорезями для глаз, а на щите трое таких, как ты, влежку уместятся, провалиться на этом месте, ежели вру! Бегут на нас и ревут, с деревьев аж листья сыплются. Ну, тут мы им и задали перцу!

— Ага, задали, — ухмыльнулся Конан и повел рукой вокруг себя — на площади у ворот вповалку лежало около двух десятков мертвых охранников, которых перевезли в Шадизар с лесной опушки, где неизвестная шайка подстерегла караван Халима Баши. Самого Халима, угодившего под разбойничих топор, его родственники забрали еще утром.

— Так я ж тебе об чем толкую, — не обиделся раненный, — этакие бугаи и без топоров накинутся — цел не будешь! Да ты и сам погляди, вон они валяются.

Конан покосился туда, где лежали бандиты. Он уже видел их, сам помогал грузить на телеги изрубленные тела. Да, парни как на подбор, и рожи у всех зверские, встретишь такого

в темном переулке — еще неизвестно, уйдешь ли живым. Он поражался их храбрости — всемером, да против добной полусотни! И зачем? Ну, отбили бы караван, так куда после деваться с «горячим» товаром? В лесочке не спрячешь — уж больно мал лесочек-то. А кругом — голая степь, и сотник городской стражи вмиг отрядит погоню на быстрых конях, и с солдатами обязательно поедут родичи Халима Бashi — не допустят, чтобы разбойники откупились от блюстителей закона.

— Стало быть, вся шайка полегла?

В глазах раненного мелькнула настороженность. И сразу исчезла, но Конан уже понял, что сейчас услышит ложь.

— Ага, всех кончили. Шакалам шакалья смерть.

— И не пропало ничего? — с улыбкой поинтересовался Конан.

— В смысле? — Настороженность вернулась.

— Ну, из товаров?

— Все цело. — Раненый наступился и отвернулся.

— Я слыхал, у Халима камешек был, — сказал киммериец нарочитой беспечностью.

— Мало ли кто чего слыхал, — угрюмо вымолвил страж каравана.

Конан подступил к нему почти вплотную, заглянув в глаза и дружелюбно произнес:

— Кром! Да брось ты темнить, приятель! Я ж чего спрашиваю — меня сам Халим звал к себе в охрану, да тут, — он с горечью усмехнулся, будто вспомнил что-то малоприятное, — работенка одна подвернулась, сулили большие деньги, а вышел собачий хвост без шерсти... Халим прямо так и говорил: надо камешек один в Аренджун отвезти, помимо прочего товара. Больно ценный камешек, много лихих людей на него зарится.

Раненый отстранился, раздраженно зыркнул на киммерийца и сказал:

— Вот что, мил человек. Я тебя знать не знаю, может, ты и правду говоришь, да только нам Халим ни про какие камешки не рассказывал. В Аренджун мы ехали, это верно, а что везли — меня не касается. И тебя тоже, если хочешь знать. Ступай-ка ты с миром, а то шепну халимовой родне, что ходят тут всякие, вопросы задают...

— Да к чему их задавать, коли у тебя и так все на роже написано, — рассмеялся Конан. — Не хвастай, приятель: не всю вы банду положили. Бashi камешек за пазухой держал, кто ему черепушку развалил, тот и ушел с добычей. Караван-то им без надобности был, драку они только ради Лунной Льдинки затеяли.

Мрачная неразговорчивость охранника была красноречивее любых словесных подтверждений. Но Конану этого показалось мало. Он с печальным вздохом снял с пояса тощий кошелек, развязал, вытряхнул на ладонь три монеты. Посмотрел на раненного и ничуть не удивился перемене в его лице. Впрочем, любезная улыбка сразу сгинула, как только две монеты из трех вернулись в кошелек.

— Ладно, язви тебя Кром. — Конан снова тяжко вздохнул, вынул монету из кошелька, протянул охраннику. — А третью не получишь! — грозно заявил он. И тут же смягчился слегка: — Да имей же ты совесть, приятель! По миру меня пустить хочешь?

— Угадал ты, мил человек, восемь их было, — признался раненый, запихивая деньги под кровавую повязку. — Восьмой убег с камешком. А куда убег — не пытай, ей-ей, не знаю.

— Что ж вы восьмого-то упустили, а? — осуждающе спросил киммериец. — Догнать не смогли?

Его слова задели охранника за живое.

— Был бы ты тогда с нами — понял бы, почему упустили, — прощедил он сквозь

зубы. — Это не люди — кабаны бешеные, как начали нашего брата кромсать, только брызги кровавые полетели! Когда последний, самый лютый, деру дал, мы своему счастью не поверили! И рассудили: на кой его догонять, когда Халим Баши на дороге мертвый валяется, товары целехоньки, а бандюга в город мчится? Ну, склонится в каком-нибудь притоне, так ведь камешек-то, Лунная Льдинка, все равно себя выдаст! Мало что сам он дорогущий, пол-Шадизара можно купить, на нем еще и заклятие против воров. Больше деньги Халим чернокнижнику отвалил, зато теперь Лунную Льдинку нигде не спрячешь. Из-под земли до хозяев докричится.

— Да ну? — Последние слова охранника только подогрели любопытство Конана. — А чего ж тогда родня Халима озолотить сулит того, кто Лунную льдинку найдет?

— Врешь! — раненный резко выпрямился, вскинул нечесаную голову. — Кому они сулили? Когда?

— Своими ушами слышал — командиру стражи сулили, — честно ответил Конан, не договорив, что разговор тот, из-за угла подслушанный, вовсе не предназначался для его ушей. — Сгинула, говорят, Лунная Льдинка, точно в омут канула. Кто найдет, тому золота отвалят, сколько на горбу своем утащит.

— Ух ты! — возбудился охранник. — А что сотник стражи? Согласился помочь?

— Понятное дело, согласился, да только велел халимовым родичам лишнее не болтать, а то, говорит, весь город всполошится, на поиски кинется.

— Эх, рана, паскуда! — Охранник досадливо взглянул на окровавленную руку. — Кабы не она, проклятая, я б сейчас первым всполошился.

— А ты хоть видел ее, Льдинку Лунную? Знаешь, как выглядит? — Конан не дослушал до конца тот разговор с сотником стражи — помешал какой-то зевака, зашедший за угол, где стоял киммериец.

Охранник отрицательно помотал головой.

— Баши, земля ему пухом, никому не показывал, пуще глаза берег. Говорят, плоский камень, желтый и прозрачный. И блестит красиво, глаз не оторвать. Может, врут, может, нет... И куда ж он кануть-то мог, а? Заклятье-то дорогущее...

— На любые чары найдутся чары покруче, — уверенно заявил Конан.

* * *

— Про Льдинку ничего не слышали, а работенка для тебя, может, и найдется, — сказали ему в тот вечер на Южном базаре. Торговцы уже разъехались по домам и постоялым дворам, и за высоким забором, сплетенным из виноградных лоз, толпа оборванцев устроила привычную дележку отбросов. Заглянул туда и Конан, но вовсе не за своей долей подгнивших фруктов и овощей (каковой ему не причиталось), а для разговора с вожаком местного отребья. Вожак был радущен — предложил гостю ломоть осклилкой дыни и пригоршню черной шелковицы, собранной его приятелями на грязной земле. И то и другое было вежливо, но непреклонно отвергнуто. Тогда вожак сказал:

— Знаешь Паквида Губара?

— Горбuna колченого, что ли? — Конану живо вспомнился странный ростовщик, любитель разгуливать по ночным улицам с толстым кошельком на поясе и стайкой невидимых, как духи, телохранителей с кинжалами да удавками. Даже не будь

телохранителей, местное жулье боялось бы Паквида Губара пуще проказы.

— Его самого. — Вожак не подал виду, что его задел брезгливый тон собеседника. У него самого осанка была далеко не царственная, да и походке оставляла желать лучшего. Но, обделив его красотой, природа воздала отменной выдержанкой и тем, что принято называть ушлостью. — Паквид себе особняк загородный отстроил, настоящий дворец. Теперь стражу туда набирает.

Конан кивнул. Особняк тот он видел, такому любой вельможа позавидует. Увенчанные острыми шпилями башни над стенами из бурого камня, причудливые узоры актотериев, закоченевшая злоба в очах каменных драконов, тончайшее глазурованное кружево волют... От этого замка, даже недостроенного, веяло угрозой. Роком! Так показалось Конану с первого взгляда, а он давно привык доверять интуиции.

— Денег у Паквида куры не клюют, и за верную службу платит он щедро. Есть будешь на серебре, спать на коврах, но скажут тебе «ап!» — изволь сначала подпрыгнуть, в после можешь раздумывать, зачем это понадобилось. Ну что, интересно?

Конан пожал плечами. Нищий кивнул.

— Верно, кто себе цену знает, тот никогда не спешит слюни пускать. Погуляй, пораскинь мозгами. Надумаешь — ступай прямо в особняк и стучись в ворота — мол, от меня. С тебя один золотой.

— За что? — прикинулся удивленным Конан, хоть и знал, что не миновать разлуки с последней монетой. — Я, может, еще не захочу...

— Ты мне тут не шуток не шути! — вспылил вожак нищих. — Это твоё дело — хотеть или не хотеть, а мое — наводку давать и деньги за это брать. И заруби себе на носу, — хмуро добавил он, пряча золотой в кулаке, — здесь базар, а не балаган. Это в балагане развлекают, а на базаре — торгуют.

* * *

За стенами особняка Паквида Губара раздались скрежет барабанов и грохот выбираемых цепей — поднимают мост, сообразил Конан. Вскоре там же, за стеной, громыхнуло — упала тяжеленная решетка, перекрыв входную арку. Чуть позже брякнули обитые медью высокие ворота. Замок надежно отгородился от внешнего мира.

Подали голос и створки парадной двери; наголо обритый здоровяк в ливрее слуги удалился с большущей связкой ключей на сгибе локтя. Из верхнего покоя к балюстраде вышел горбатый мужчина неопределенного возраста и окинул цепким взглядом громадный взгляд.

И то сказать, столь разношерстная компания заслуживала пристального взгляда. Почти каждый был при оружии; одежда варьировала от красного платья шлюхи и дикарской набедренной повязки из козлиной шкуры до полного доспеха иранистанского воина и златотканного офирского камзола с кружевной оторочкой. Разнились и выражения лиц: на одних — детская невинность (без сомнения, фальшивая), на других — печать всех вообразимых пороков (разумеется, подлинная). Среди них выделялось лицо молодого рослого киммерийца — такой безучастности во взоре позавидовали бы даже нефритовые стигийские колоссы. Конан стоял, согревая лопatkами мраморный пилон, и поочередно проникал взором под каждую складку роскошного одеяния замка. Надо заметить, в этом

занятиях он был не одинок.

Пакван Губар удовлетворенно кивнул и заговорил, чуть картавя и растягивая слова:

— Бесконечно счастлив видеть вас, уважаемые и достопочтенные, под сводами моего нового скромного обиталища. Невыразимо рад, что вы вняли приглашению и явились сюда, дабы пополнить ряды моей личной стражи. Ничуть не преувеличу, заметив, что служба в моем доме будет очень интересной и высокооплачиваемой. Но для того, чтобы поступить на нее, вы должны пройти испытание. Видя перед собой таких мужественных и бывалых воинов и воительниц, я смею надеяться...

— Чего? — перебил густой бас слева от Конана. — Какое еще испытание? Великий Бел! Впервые о том слышу!

— Видя перед собой таких мужественных и бывалых воинов и воительниц, я смею надеяться, — повторил горбун, пропуская вопрос мимо ушей, — что для каждого из вас испытание закончится успешно, и он получит щедрый задаток — разумеется, в золоте. Однако есть еще одно условие: любой претендент вправе отказаться от службы, но лишь после того, как пройдет испытание.

— Клянусь шерстью на заднице Аrimана! — возмущался худощавый смуглый иранистанец Мугандир в зеленом шелковом плаще поверх громоздких доспехов. — Мне это уже не по нутру! Что значит — можно отказаться от службы, но не от испытаний? Почему?

И на этот раз хозяин особняка поскупился на ответ. Толпа в зале зароптала.

— Сейчас я оставлю вас, славные воители, — спокойно произнес Паквид, — а при следующей нашей встречи вы сможете задавать любые вопросы. К тому времени все уже будет закончено. Желаю удачи. Слуга проводит вас в трапезную; надеюсь, ужин вам понравится.

* * *

— Сок! И здесь — виноградный сок, будь он проклят! — вскричал плотно сбитый офирец с испитым смуглым лицом. Придя в ярость, он швырнул узкогорлый кувшин в стену; чеканное серебро сплющилось от страшного удара. — Проклятый жмот! «Ужин вам понравится!» — передразнил он, кривя губы. — Тьфу!

— Да ладно тебе, Гизайль. — Фефим, стройный курчавый шадизарец в облегающем костюме ярмарочного жонглера, взял с блюда несколько жареных ножек индейки, и они лихо закувыркались над его головой; чуть позже к ним присоединились длинный бронзовый нож с роговой рукоятью и массивная двузубая вилка. — Брось привередничать, дружище. Смотри, какая красота: копченые перепела, печень горной косули с соленым барбарисом, форель отварная по-иантийски, фаршированная изюмом хурма в меду... Правда, сразу вопросик у меня: если Пакван так слуг потчует, что же он сам жрет?

— Вино! — Кулак Гизайля с грохотом опустился между блюдами. — Ни капли вина на всем проклятом столе! Если Паквану в охране нужны только трезвенники, пускай не в Шадизаре их ищет, а в храмах, среди жрецов Митры!

— Без вина жизнь скучная, — согласился Конан, — но у меня с утра во рту ни крошки. — Он уселся за стол, придвинул к себе блюдо с жареным каплуном и плошку с соусом. — Налетай! Не то я один со всем справлюсь.

Девять претендентов расположились ха столом. Напротив Конана села молодая

женщина в грязном красном платье; под ее левым глазом чернел синяк, на шее под нитками бус виднелся темный след удавки. Во всем остальном ее облик был безупречен, а волосы — длинные, светлые, выющиеся — наводили даже на романтические раздумья. Конан опустил голову и вонзил зубы в петушиную глотку.

— Котик, — обратилась к нему девушка в красном, быстро уничтожив изрядный кусок косульей печени, — не откажи в любезности, подкинь лепешку вон с того блюда.

Конан выполнил просьбу и сказал без особого интереса в голосе:

— Ты-то здесь какого демона? Иль под фонарем торчать надоело?

Девица посмотрела на свое красное платье и хихикнула.

— А может, я по-людски хочу пожить. В стражах, а не в шлюхах.

Конан скептически хмыкнул.

— Кром! По-твоему, бегать за хозяином, точно пес, — это по-людски жить? и вообще, мечом махать — не женское дело. Да ты и на воительницу не очень-то похожа. Не то что эта! — Он кивнул на шемитку Дориду, сидевшую у противоположного края стола. В Шадизаре она появилась недавно. Дорида родилась в общине вольных камнетесов, а когда ей стукнуло девятнадцать, покинула родные края и нанялась в войско одного из шемитских городов. С тех пор она не расставалась с коротким мечом, а природная угрюмость и независимый нрав вечно вовлекали ее во всякие приключения, из которых, правда, она чаще всего выходила победительницей. На ее плечах и спине бугрились мышцы, а под массивным горбатым носом чернели самые настоящие усы. Если б не привычка Дориды ходить полуголой, ее бы все принимали за мужчину.

Девушка в красном снова хихикнула.

— Котик, слыхал пословицу: было бы желание, а способ найдется?

Конан кивнул и оторвал у каплуна ножку.

— Так вот, чтоб ты знал: не было у меня такого желания. Ни капельюшечки. А способ нашелся. — Она громко рассмеялась.

— Чтоб мне окочуриться на собственной свадьбе! — воскликнул юноша-немедиец в трех локтях справа от Конана. — И ты? — Он перегнулся через стол и уставился на светловолосую.

Она кивнула. И спросила в свою очередь:

— А тебя, малыш, где замели?

— Я тебе не малыш! — У немедийца обиженно дрогнули пухлые губы. — Хочешь по кличке звать — пожалуйста. Пролаза, к твоим услугам! Я к Паквиду в городской дом пробрался, хотел в кубышке поскрести, да мне там теплую встречу подготовили. Потом два дня продержали в погребе с пауками, кормили, правда, на убой... А нынче утром сюда перевезли. Сказали, пройдешь испытание — будешь прощен, работу хорошую получишь. Как будто мне одной работы мало! Я, может, по ночам не меньше зашибаю, чем любой паквидов холуй...

Конан не поверил собственным ушам. Где это видано, чтобы вора, пойманного с поличным, нанимали в стражники?

— А ты? — Он перевел взгляд на девушку.

— Что — я? — Она усмехнулась, вытирая губы рукавом.

— Зовут-то как?

— Саба.

— Откуда будешь?

— А тебе на что знать? Какая разница?

— Да никакой, пожалуй. Мало ли на свете непотребных девок... Тоже, небось, хотела Паквида нагреть?

— Угадал, котик. Как тебя...?

— Конан.

— Только насчет шлюхи ты маленько промахнулся. Никакая я не шлюха, а честная налетчица. Просто разок встала под фонарь — дай, думаю, погляжу, что выйдет. А вышел конфуз! Только это я с Очаровашкой познакомилась, да прижала его к стеночке в уютном переулке, только нож достала, а мне на шею сзади — шнурок! Придушил проклятый телохранитель, что твою шавку безродную! Правда, не до смерти. Очухалась я, гляжу — подвал, горшок для дерьяма, люк в потолке... Ну, смею, пропали мои годы молодые, погибла моя девичья краса! Уж лучше бы прикончили...

— Но потом-то выпустили, — заметил Конан.

— Ага, выпустили... в вашу теплую компанию. Ну, правда, котик, какой из меня страж? Я же тут все растащу...

Над длинным столом раздавались дружные хруст и чавканье. Только иранистанец Мугандир сидел, угрюмо сутулясь, и не прикасался к пище.

— Чего это он? — сказал Конан Сабе, кинув на угрюмого иранистанца. — Не жрет совсем...

Светловолосая неопределенно пожала плечами. Жонглер Фефим, сидевший напротив Мугандира, услышал слова киммерийца и заинтересовался:

— Правда, Мугандир, ты чего? Боишься, отравят?

Иранистанец выпрямил спину и окинул стол надменным взглядом.

— Как тебе ответить, жонглер... Я боюсь того, чего не понимаю. И не вижу в этом ничего постыдного. Я — тертый калач, на своем веку немало дорог исходил и всякого навидался... и травили меня, и резали. Но тут, — он повел вокруг себя рукой в колчужной рукавице, — мне отчего-то совсем не нравится. Во-первых, не люблю, когда мягкие подушки под зад суют, во-вторых, когда тень ишака загораживает солнце истины...

Фефим укоризненно покачал головой.

— Так-то оно так, Мугандир, но у нас в Шадизаре очень строгие законы гостеприимства. Отказаться от пищи в чужом доме — значит смертельно обидеть хозяина. Да и вообще, ворота на запоре, и кто знает, когда нас отсюда выпустят. Будешь упрямиться — еще, чего доброго, ноги с голодухи протянем. Ты лучше бери пример вон с того молодца, Баррака, — он указал на коренастого пикта в набедренной повязке из козлиной шкуры — его тело напоминало мешок, туго перевитый морскими канатами; из нескольких сабельных ран на плечах и груди, грубо зашитых конским волосом, сочилась сукровица. Пикт скалил зубы и рычал по-звериному, терзая жареного поросенка и брызгая на соседей соком; те ругались, но никто не решался отвесить свирепому дикарю оплеуху. — Вот откуда берутся силы, — с улыбкой пояснил Фефим.

— Он прав, — сказал иранистанцу Пролаза. — Мне тут нравится еще меньше твоего, даром, что ли, я два дня куковал в вонючем погребе. Но законы гостеприимства — дело святое, раз угощают — давиши, но ешь. Да не бойся ты! Рассуди сам: какого демона Паквиду нас травить?

Вняв уверещанием, Мугандир неохотно взялся за нож, воткнул его в форель и переложил рыбину на свое блюдо. Не снимая колчужных рукавиц, он содрал с форели кожу и сунул в

рот кусок белого мяса. Прожевал с недовольной миной на лице. И вдруг схватился обеими руками за горло. Соседи встревожено повернулись к нему.

— Кость! — просипел он. — В горло воткнулась! Окхх... больно!

— А, Кром! — воскликнул Конан, глядя, как багровеет лицо иранистанца, как вылезают из орбит глаза. — А ну, пасть открай!

Мугандир не подчинился — его рассудок отступил под натиском невыносимой боли и ужаса. Конан оторвал его руки от горла, заставил раскрыть рот. Мугандир закашлялся, брызгая в лицо киммерийцу пережеванной форелью.

— Свечу мне! — крикнул Конан, окидывая зал диким взором.

Фефим выдернул из канделябра горящую свечу, поднес к голове Мугандира.

— Ищи, — сказал он киммерийцу. — Я посвечу.

Конан молча вырвал у него свечку, перевернул огоньком вниз. Затрецдал фитиль, на недоеденного каплуна закапал воск. Подождав, пока конец свечи хорошенъко размякнет, Конан погасил пламя и сунул свечу в рот Мугандира, безжалостно затолкал в горло.

— Кхрхр... кхга... — снова захрипел и закашлял иранистанец.

— Что ты делаешь? — ошеломленно спросила Саба. — Ему ведь и так не сладко!

Конан не ответил. Обезумев от боли и страха, Мугандир вдруг изо всех сил вонзил зубы в его пальцы. Конан выругался, дал ему крепкого тумака и заставил снова широко открыть рот.

— Терпи, болван, для тебя же стараюсь! — рявкнул он.

Наконец, решив, что воск, наверное, уже застыл, он выдернул свечку и удовлетворенно кивнул. Претенденты, столпившиеся вокруг, увидели торчащий из свечи острый конец рыбьей кости.

— Ловко! — восхитился Пролаза. — А я и не знал такого способа.

— Я только что придумал, — ухмыльнулся Конан.

— Ну да, заливай! — не поверила Саба.

— Ох-хх... — произнес Мугандир, мешком валяясь со стола. Саба опустилась рядом с ним на корточки.

Фефим рассмеялся.

— Струхнул, бедняга! Ничего, очухается.

— Конечно, очухается, — сказала Саба, ощупывая иранистанца, — только не здесь, а на Серых равнинах.

Конан ушам своим не поверил.

— Точно, готов, — подтвердил Пролаза, наклонясь над Мугандиром. — Надо же было от такой ерунды окочуриться! Вот тебе и третий калач.

— Он до смерти боялся отравы, — рассудил Фефим, — а тут еще эта кость. Вот сердечная жила и не выдержала, лопнула. Выходит, предчувствие не обмануло.

— А вы все с дурацкими советами, — проворчала, глядя на Пролазу и Фефима, Саба. — Законы гостеприимства какие-то придумали... «Давись, но ешь!» — передразнила она. — Вот он и подавился.

— Да мы же пошутили, — стушевался Пролаза. — Нет, правда, нельзя же в его годы быть святой простотой. В Шадизаре такие не выживают...

— Глядите! — перебил Конан.

В противоположной стене отворилась дверь, появился бритоголовый слуга. Бесшумно обогнув стол, приблизился к мертвому и обступившим его претендентам. Наклонился.

Посмотрел. Выпрямился.

— Отважные воители, — произнес он равнодушно, — когда закончите ужин, прошу перейти в соседний зал. Там вас ждет отменное вино. Об усопшем мы позаботимся.

Не реагируя на ропот, он повернулся и исчез за дверью, оставив ее отворенной.

* * *

— А вот это уже по мне! — дородный офицер вытер рот рукавом и снова прильнул к кувшину с хмельным.

— Да, винцо отменное. — Фефим тоже воздавал должное дорогим напиткам, но не с такими страстью и самозабвением, как Гизайль. — Странный он тип, этот Паквид Губар. Поназвал в дом бродяг, а кого и силком затащил, и теперь потчует, как царских слуг.

— Пыль в глаза пускает, — уверенно промолвила Саба. — Смотрите, мол, какой я щедрый, служите верой и правдой — будете как сыр в масле кататься.

Конану подумалось, что разбойница говорит дело. Схожие мысли и ему приходили в голову.

— Ладно, поглядим, надолго ли хватит его радужия, — сказал он. — Хотелось бы знать, когда начнется испытание.

— Утром, наверное, — предположил Фефим. — Сейчас покутим, потом высшимся, а поутру займемся делом.

В комнате появился бритоголовый слуга. Разговор оборвался.

— Почтеннейшие, — бесстрастно вымолвил здоровяк, — в соседнем покое приготовлены ложа. Когда вам наскучат возлияния, прошу перейти в опочивальню и не покидать ее до утра. Настоятельно советую в коридоре ступать только между линиями, специально для вас очерченными мелом. Неосторожность чревата гибелью. — В угрюмой тишине он покинул комнату.

— Это еще что за новости? — сказал наконец Пролаза. — Да просто он о ловушке для воров предупреждал. — Саба сидела, закинув изящные ноги на стол и смакуя вино; пристальные взоры разгоряченных вином мужчин нисколько ее не смущали. — Кто сойдет с помеченной тропки, тому конец. Видела я такие штучки!

— А ведь неспроста Паквид воров боится, — произнес Фефим, и Конан заметил, как блеснули глаза у Пролазы. И еще он увидел, что рубашку молодого домашника оттягивает спереди что-то тонкое и длинное.

— Может, золото тут держит? — предположил немедиц.

— Ну, все. — Конан поднялся. — Погуляли, пора и на боковую. Айда, братва.

— Ты чего это тут... ик... раскомандовался? — возмутился Гизайль и крепко прижал к животу кувшин с вином. — Хочешь дрыхнуть — катись, а мне... ик... может, тут нравится. Я, может, тут заночую.

— Завтра, похоже, денек не из легких будет, — спокойно сказал ему Конан. — Один Кром ведает, что этот лис горбатый для нас подготовил. Надо высаться хорошенъко. И вообще, подозрительно тут, лучше вместе держаться.

— Ты, Гизайль, если хочешь вконец напиться, бери кувшин с собой, — предложил немедиц. — А вообще-то вот тебе добрый совет — хватит зенки заливать. Представь, с какой башкой ты завтра оклемаешься. Провалившись на испытании — не видеть тебе больше

этого великолепия, как своих ушей.

Сквозь пьяную оторопь на лице Гизайля простила тревога.

— Не провалюсь! — Он вновь бахнул кулаком по столу. — Мне тут... ик... по нраву! В лепешку расшибусь, а стражником стану. О таком хозяине, как Пакв... ик... как Паквид, я всю жизнь мечтал. Кто о нем худое слово скажет, тому ноги местами поменяю.

— Ну, так пошли. — Конан взял со стола канделябр и двинулся к двери.

В темном коридоре он сразу увидел две ломанные меловые линии. Присев на одной ноге, осторожно отвел вторую и слегка надавил на половицу в стороне от безопасной стежки. Трапециевидная плита с шорохом въехала в стену и вскоре вернулась обратно, позволив киммерийцу заглянуть в непроницаемый мрак.

— Поосторожнее тут, — предупредил он остальных, столпившихся у двери. — Давайте за мною по одному. Кто в сторону шагнет, костей не сосчитает.

Он пошел дальше и вдруг, спохватясь, обернулся.

— Кто-нибудь, за Гизайлем присмотрите, а то еще занесет на повороте.

— За собой присматривай, варвар, — донесся ворчливый отклик офицера. — Отвали, Пролаза, мне... ик... няньки не... А, тысяча демонов!

— Держись, Гизайль! — раздался в полумраке возглас Пролазы. — Второй рукой хватайся! Да брось бы этот кувшин дурацкий!

— А ну, замрите, — проревел во всю силу легких Конан, и суматоха на узком опасном пути мгновенно улеглась. — Всем лечь!

Претенденты подчинились беспрекословно, и он, перепрыгивая через лежащих, бросился обратно. Пролаза стоял на коленях, выпучив от натуги глаза, и обеими руками держал сорвавшегося Гизайля за кисть и запястье. Тот протрезвел от испуга, но не настолько, чтобы расстаться с драгоценным кувшином и помочь себе второй рукой.

— Держи его, Пролаза! — крикнул Конан. — Я сейчас помогу... Нет! Отпускай! Отпускай!

Пролаза уже и сам заметил, что острый край трапециевидной плиты неотвратимо приближался к нему. Если бы он не выпустил руку Гизайля, плита отрубила бы ему обе кисти.

— Кром, — буркнул Конан, когда в черной бездне под полом затих протяжный крик.

Рядом Пролаза поднялся с колен и растерянно сказал:

— И чего это он, а? Вроде спокойно стоял, и вдруг как шатнется...

— Он же обещал в лепешку расшибиться. — Саба хихикнула лежа на полу. — Не давши слово — держись, а давши — крепись. Дурной у тебя глаз Пролаза.

— С чего ты взяла? — сердито спросил Пролаза.

— А кто Мугандиру подавиться советовал? И кто Гизайлю обещал, что он провалится? Все по-твоему выходит.

— Тыфу ты! Великий Бел! Да я же не это имел в виду.

— Ладно, пошли спать, — Конан опустил канделябр. — Эй, там, впереди! Под ноги смотреть не забывайте.

* * *

Конан проснулся от еле слышного щелчка и рывком сел на ложе.

В канделябрах оплыли свечи, за витражами высоких окон царила мгла. Вокруг хранили, посыпывали, посвистывали во сне дюжие претенденты на должности стражей загородного имения богатого шадизарского ростовщика Паквида Губара. На корточках у двери сидел человек и сосредоточенно возился с замком.

— Опять ты за свое, Пролаза? — Рука киммерийца легла на плечо домашника, тот от неожиданности дернулся всем телом. — И что бы тебе до утра не подождать, а?

Его голос разбудил остальных, они садились, протирали глаза. Прислушивались.

— Завтра пройдешь испытание, — говорил Конан, — и будешь охранять все сокровища Губара. Или уже невтерпеж? Ну-ка, дай сюда. — Он вырвал из руки Пролазы импровизированную отмычку. — Ишь ты, умник! Шпильку приспособил!

— Да я только пройтись хотел по дому, глянуть, что тут к чему, — неубедительно оправдывался Пролаза. — А то заперли в четырех стенах, будто мы жулики какие...

— А что, — вступилась за Пролазу Саба, — я бы тоже прогулялась. И деру бы дала отсюда, подвернись такая возможность. Это ты, Конан, добровольно явился, а нас, если помнишь, тайком привезли, связанных...

— Замочек-то я уже раскусил, — сказал вор. — Простенький замочек. Еще бы повозиться чуток...

В полумраке блеснули зубы Конана.

— Чуток, говоришь? Ладно, будь по-твоему. Может, и впрямь пора нам пятки салом смазывать. Не нравится мне тут.

— Ага, и тебя проняло! — обрадовался Пролаза. — Ну-ка, отломи кончик. — Он показал на длинную шпильку.

В могучих руках киммерийца бронза сопротивлялась недолго.

— Теперь загни, чтоб не шире ногтя.

Конан отдал Пролазе готовую отмычку.

Через несколько мгновений дверь отворилась.

— Драпать подано! — гордо сказал Пролаза. — Ну что, пошли?

— Погоди. — Конан повернулся к Сабе. — Буди всех.

— Это еще зачем? — насторожилась она.

— А затем, что очень уж тут непонятно. Надо убираться. Или хотя бы выяснить, можно ли вообще отсюда уйти.

— А если они не захотят? — спросила Саба.

— Я захочу, — подал голос Фефим. — Баррак, а ты.

В ответ раздалось утвердительное ворчание пикта.

— Дорида?

— Я остаюсь, — глухо вымолвила шемитка.

— А что так? — насмешливо осведомилась Саба. — Понравилось, что ли, в гостях?

— Я пришла на службу наниматься, — мрачным тоном объяснила Дорида, — а не шастать по дому, как воровка. Завтра узнаю, что за служба, а потом буду думать, годится мне или не годится. Да и вы ложились бы лучше спать.

— Ну уж нет, — ухмыльнулся Конан. — Сначала осмотримся. — Он шагнул в коридор.

— Что за блажь, клянусь Мардуком, — провожало киммерийца и его спутников ворчание Дориды. — Еще стащат чего-нибудь, а мне — отвечай!

Сон не шел. В доме вымерли все звуки, но взамен народились воображаемые — крадущиеся шаги, шорох стали, извлекаемой из ножен, сдерживаемое сопение... Дорида лежала с закрытыми глазами и кляла себя: стыдно, боишься темноты, как сопливая девчонка. А ну, спать!

Какое там — спать! Одиночество давило, как будто гранитное надгробье опрокинулось шемитке на грудь. С тяжелым вздохом она села на ложе. И вскрикнула...

Бритоголовый слуга опоздал на один удар сердца. Он бесшумно подобрался по архитраву, достал кинжал, опустился на корточки, но, как только его ступни оторвались от широкой мраморной балки, Дориду точно ветром сдуло с постели. Однако внезапный испуг не помешал ей подхватить с пола короткий увесистый меч.

Слуга выпрямился во весь рост, на его лице досада смешалась со страхом. Кинжал — плохая защита от меча. Но отступать было некуда — Дорида встала между двумя дверьми, один прыжок, и она загородит любую. Может, вскарабкаться обратно на архитрав и выскоить в неприметное оконце? Он сразу отмел эту мысль — слишком высоко, и слишком гладки пилоны.

— Ты что ж это, подлец, — с удивлением, но без особой злости произнесла Дорида, — прирезать меня вздумал?

Бритоголовый промолчал. Он спрыгнул на пол по другую сторону ложа, сдернул с постели тонкое одеяло и быстро намотал на левую руку. Не сводя с него взгляда, Дорида медленно покачала головой.

— Не поможет, приятель! Лучше скажи, почему решил меня убить, тогда я, пожалуй, живым отпущу. Даже хозяину не скажу.

При упоминании о хозяине бритоголовый криво улыбнулся.

— Так это он тебя послал? — сообразила шемитка, и слуга поморщился, пеняя себя за неосторожность. — Но почему? Чтобы ограбить? Так ведь у меня ни гроша за душой.

Слуга пронзительно закричал, взлетев на ложе, в три прыжка подскочил к Дориде, замахнулся кинжалом... Крик оборвался, кинжал звякнул о порфировые плитки пола, на него упал ночной душегуб с пронзенным сердцем. Дорида вытерла меч об одеяло, которое так и не пригодилось бритоголовому, и снова покачала головой — на сей раз недоуменно.

Ее взгляд поднялся на архитрав, метнулся влево — вот он, лаз, полукруглое оконце в глубокой нише под самым потолком. Убийца предусмотрительно закрыл его, когда забрался в опочивальню — чтобы сквозняк не насторожил жертву.

Дорида подошла к деревянной кровати, взялась снизу за спинку, напрягла мощные мускулы. Кровать всталла на попа; легки толчком руки шемитка опрокинула ее на пилон. Поставила рядом табурет. И без труда залезла на архитрав.

Вот и оконце. Приотворив его, она высунула голову наружу. Темно, хоть глаз коли! Но, пошарив рукой по стене, она сразу обнаружила металлическую скобу, вмурованную в кладку, и мягкий нарост на ней. Узел! Веревка довольно толстая, вполне способная выдержать человека. И увесистая — наверное, достает до земли. Дорида отвязала ее, смотала в бухту и спрыгнула на пол.

— Золото! И впрямь золото! — Руки Пролазы вынырнули из сундука, между пальцами посыпались желтые кругляши.

— Целая куча! — Саба запрыгала от восторга. — Ай да Очаровашка! Дайте мне его сюда — расцелую! До чего ж я люблю богатеньких!

Путь в сокровищницу Паквида оказался долог. В темных коридорах подстерегали ловушки, в точности как та, что погубила Гизайля, но Конан легко научился выбирать безопасный путь. Он нажимал на плиты мечом и ступал на те, что оставались на месте. Остальные шагали за ним гуськом; каждый держался за пояс впереди идущего. Никто не сорвался. Несколько дверей, к которым привели коридоры, не уступили отмычке Пролазы; приходилось возвращаться и искать другой путь. Наконец щелкнул замок, и они вошли в тесную каморку, посреди которой стоял громадный сундук.

Сундук оказался на запоре, но с этим замком немедийский вор справился в считанные мгновения.

— Не знаю, как вы, компаньоны, — сказал он, — а я нашел свое счастье.

Конан поднял канделябр повыше и окинул взглядом своих спутников. Наверное, уже никто не претендует на должность стражника в этом особняке. Кроме Баррака, быть может. Неразговорчивый пикт равнодушно смотрел на золото, тогда как у остальных лихорадочно блестели глаза. Они сыпали себе за пазухи пригоршни денег.

Конан и сам загорелся азартом. Опустился на корточки перед сундуком, отвязал пустой кошелек, до отказа набил деньгами.

— А ты, пиктский кабанчик?

Конан посмотрел на Сабу и крякнул от неожиданности. Она стояла совершенно нагая; красное платье, завязанное снизу, служило теперь вместительным мешком. Пересыпая в него деньги из сундука, длинноногая красотка дерзко ухмыльнулась Конану и снова перевела взгляд на пикта. — Ты-то что? Стесняешься, что ли? Хапай, я разрешаю.

Баррак промолчал, лишь вперил в нее такой плотоядный взгляд, что она прикусила язык.

— Как теперь отсюда выбраться, да еще с такими деньжищами? — произнес Фефим.

— Что-нибудь придумаем, — сказал Конан. — Мне другой вопрос покою не дает: почему мы так легко сюда проникли?

— Ну, не так уж и легко, — возразил Пролаза. — Тут ловушки кругом.

— Да, но они одинаковые, — заметила Саба. — К одинаковым легче приноровится. Прав ты, Конан, что-то здесь не так.

Ее нагота снова привлекла взгляд киммерийца, и на этот раз он увидел нож, привязанный к женской лодыжке двумя полосками красного ситца. Где-то он уже видел этот нож... Кажется, в трапезной...

— Тихо! — Конан предостерегающе вскинул руку. — Шаги!

Все затаили дыхание и напрягли слух. И услышали не только шаги, но и мерное постукивание металла о камень. И шуршание отъезжающих плит. Кто-то приближался к сокровищнице — точно так же, как незадолго до этого они сами. Двигался осторожно, прощупывая путь.

Конан подскочил к двери, приоткрыл, выглянул в коридор. И шумно перевел дух.

— Дорида!

— Меня пытались прирезать, — мрачно сообщила шемитка, войдя в комнату.

— За что? — спросил Фефим.

— Не знаю, клянусь Мардуком! Похоже, Паквид распорядился. — Она вкратце поведала

о том, что с ней случилось. И добавила твердо: — Пора сматываться. Держи, пригодится.

Дорида сняла с плеча и протянула киммерийцу веревку.

— А ты возьми золотишко, тоже пригодится, — посоветовал Конан. — Только шустрее. Попытаемся убраться, пока не рассвело. — Он повернулся к пикту. — Баррак, ты с нами?

— Нет, — буркнул дикарь.

— Кабанчик, ты что, сдурел? — изумилась Саба. — Увидит Паквид, что деньги пропали, озвеет и обязательно тебя прикончит. Поди докажи ему, что ты тут ни при чем. Если уж он Дориду ни за что ни про что...

— Я остаюсь. — Пикт надменно сложил руки на груди и отвернулся.

— Ладно, приятель, поступай как знаешь. Но мы тебя на всякий случай связем и рот кляпом заткнем. А то еще шум поднимешь раньше времени...

С этими словами Конан метнулся к пикту, чтобы схватить его за шею. Но не успел. Дикарь отскочил вправо и выбросил ногу навстречу киммерийцу. Конан охнул от удара в солнечное сплетение, но устоял на ногах и занес кулак... а затем прыгнул назад, так и не ударив.

Баррак уже держал на изготовку боевой топор. И явно не собирался шутить.

— Чурбан стоеросовый! — обругал его Конан, доставая меч.

— Правда, Баррак, зря ты это, — поддержал киммерийца Фефим. — Прекрати, давай расстанемся друзьями...

Но перспектива нажить врагов нисколько не пугала свирепого пикта. Он вскинул топор над головой и прорычал боевой клич своего племени.

— Он так ведь дом переполошит, — озабоченно сказала Саба. — Вот ведь придурок! Дайте-ка, мальчики, я его угомоню. — Она нагнулась за краденным бронзовым ножом с роговой рукоятью.

— Стой, Саба, — велел Конан. — Он тебе не по зубам.

Он прыгнул вперед, и меч скрестился с лезвием боевого топора. Одновременно левый кулак Конана впечатался пикту в нос. Но дикарь устоял и снова неистово брыкнул ногой, и на этот раз удар чудовищной силы пришелся нападавшему в пах. Киммериец отпрянул, шумно втянув ноздрями воздух и опустился на корточки.

Раздался громкий щелчок. Тяжелая золотая монета со звоном покатилась по полу. Баррак охнул, прижал ладонь ко лбу над переносицей. Бешеные кабаньи глазки вонзились в Фефима. А затем из них брызнули слезы.

Конан снова прыгнул, ударил мечом сверху вниз. Баррак без звука повалился на пол. Киммериец опустился рядом на колени, приложил два пальца к горлу дикаря.

— Готов? — спросил Пролаза.

— Нет. Я бил плашмя. Да и череп у него будь здоров! Теперь связать парня надо.

Он сбросил на пол веревку, отрезал два коротких куска, быстро и умело связал пикта по рукам и ногам. Саба оторвала лоскут от своего платья, Конан затолкал его Барраку в рот.

— Может, в сундуке его запереть? — подал идею Пролаза.

— А не задохнется?

Саба подняла топор пикта и дважды обрушила на крышку сундука. Появилась изрядная крестообразная дыра...

Конан схватил Баррака в охапку, подтащил к сундуку...

Раздался испуганный возглас Пролазы. Конан ощутил, как на его пальцы, сцепленные под животом пикта, струится влага. Он опустил взгляд и увидел железный штырек, торчащий

из груди Баррака. Арбалетная стрела попала неукротимому дикарю в сердце.

Конан резко повернулся, не выпуская мертвца из рук.

Заслонился им от стрелка, который мог прятаться только во мгле коридора. И рявкнул:

— Дверь!

Фефим подскочил к двери, захлопнул пинком. Дорида налегла на нее спиной. Пролаза бросился к замочной скважине с отмычкой.

— Сундук! — Конан разнял руки, и Баррак повалился на гладкие каменные плиты. — Сундук придинем. Дверь внутрь отворяется.

Они быстро подперли дверь тяжелым сундуком. Но никто не ломился в сокровищницу. В коридоре было тихо, как в могиле.

— Что дальше? — угрюмо спросила Дорида.

— Тут еще одна дверь. — Пролаза пересек комнату. — Может, удастся отворить.

Он повозился с замком и вскоре обрадовано сказал: «готово!» За дверью находился коридор — такой же точно, как все предыдущие, с той лишь разницей, что в полу не было гибельных люков. В конце коридора беглецы увидели две двери: большую в противоположной стене и узкую, низкую — в боковой. Узкая дверь была на запоре, широкая отворилась от первого прикосновения.

За ней Конан, вошедший первым, увидел комнату, похожую одновременно на колодец и амфитеатр. Прямо от цилиндрической стены начинались кольцеобразные ступеньки, которые вели вниз, на крошечную арену. Отовсюду веяло сыростью. Конан поднял голову и разглядел точно в центре потолка лючок шириной в пядь, а вокруг него десяток маленьких черных отверстий.

И ни одной двери, кроме той, через которую вошел киммериец. Слишком поздно обнаружил это Конан, слишком поздно заподозрил подвоз. Он оглянулся на спутников — все четверо были уже в комнате, спускались по лестнице. А дверь быстро затворялась!

В горле умер тревожный возглас. Дверь хлопнула. Конан в три прыжка взлетел на верхнюю ступеньку, обрушился на дверь всей своей тяжестью — с таким же успехом он мог ломиться рядом в каменную стену. В коридоре раздался скрежет, и Конан сразу понял, что это означает. Опускная решетка!

Чуть позже лязгнуло у него над головой. Он посмотрел в потолок и увидел круглое пятнышко света посередине. И услышал картавую медлительную речь:

— Господа, счастлив сообщить вам, что испытания подходят к концу. Близится утро, и тот из вас, кому удастся дожить до рассвета, станет моим слугой, надежным защитником сокровищ, укрытых в этих стенах. И как задаток он получит все деньги, которые вы украли из сундука...

— Эй, постой-ка! — перебил Конан. — Что значит — испытания подходят к концу? Мы, вроде бы, еще и не начинали...

Над головой раздался ехидный смешок.

— Ты заблуждаешься, отважный воин. Они начались, как только вас проводили в трапезную. С того момента я и мои слуги скрытно наблюдали за каждым вашим шагом, ловили каждое слово. И тот, кто действовал несообразно моим желаниям, тотчас выходил из игры.

Конан и его спутники недоуменно переглянулись.

— Бред, — заключила Саба. — Мугандир вообще ничего не успел сказать или сделать. Едва сел за стол, подавился костью и откинулся копыта.

— И Гизайль, — поддержал ее Пролаза. — Он-то чем мог проштрафится? Сразу упился и сверзился вниз...

— Вы правы лишь отчасти. — Наверху снова захихикал Паквид. — Мугандир и Гизайль успели сделать немного, но достаточно для того, чтобы я пришел к выводу: эти люди меня не устраивают. Мне не нужны на службе трусы, а иранистанец боялся того, чего не понимал. Это его слова, вы все их слышали. Настоящий стражник, мой слуга, не вправе бояться ни богов, ни демонов. И не должен пить горькую! Выпивать можно, кто из нас без греха, но надо и меру знать. Правила в моей игре жесткие: не годен — умри!

— Но ведь Мугандир и Гизайль, — напомнил Фефим, — умерли своей смертью.

— Конечно, своей. Я лишь слегка им в том посодействовал, — благодушно пояснил Паквид, — точнее, не я сам, а моя магия. Да, я немного владею чарами, в юности постигал азы колдовства в одной тайной секте, о которой вряд ли кому-нибудь из вас доводилось слышать. Потом, правда я обнаружил, что истинное мое призвание — ростовщичество, но кое-какие навыки остались. Мне нетрудно подтолкнуть в яму пьянчугу, который и так едва держится на ногах. Или чуточку усугубить страх, разрывающий сердце труса. Ума не приложу, зачем такие, как Мугандир, идут в солдаты?

— А я тебе чем не угодила? — поинтересовалась Дорида. — Я же вроде не пьяница и не трусила.

Паквид охотно объяснил:

— Исключительно своей щепетильностью, отважная воительница! Щепетильностью, которая в данном случае оказалась совершенно неуместной. Ты не пожелала бродить среди ночи по чужому дому, а остальные претенденты не увидели в этом занятии ничего зазорного. Следовательно, они поступили нормально, а ты — нет. Скажу откровенно: я бы на твоем месте пошел в месте с ними. Ты оказалась непредсказуема, Дорида. Это тебя и погубило.

— Я, между прочим, жива и здорова, в отличие от твоего прихвостня, — сердито напомнила шемитка.

Паквид промолчал.

— Кажется, я понимаю, — задумчиво произнес Конан, — что повело Баррака. Он тоже...

— Ты совершенно прав, киммериец, — перебил Паквид. — Он тоже оказался непредсказуемым. Вот уж от кого не ожидал! Сказать по правде, Баррак был мне наиболее симпатичен. Весьма досадно, что пришлось его потерять.

— Когда все крадут, кради и ты, — кивнула Саба. — Это ты называешь нормальным?

— Именно так, моя красавица, — отозвался горбун. — Помнится, ты недоумевала, почему я набираю в стражу всяких проходимцев. Да потому лишь, что в нашем городе честных взять просто неоткуда. Тут жулик на жулике сидит и жуликом погоняет. В Шадизаре преступление не считается зазорным, все от мала до велика так и норовят обмануть, обокрасть, ограбить ближнего своего. Немедийский воришко совершенно прав: святая простота тут не выживает. И это меня устраивает. Ибо я привык к такому порядку вещей. Я благородствую в этом мире и невижу проку в химерах, таких, как щепетильность и бескорыстие.

— Так. — Фефим недобро улыбнулся. — А мы, значит, доказали свою полную предсказуемость?

— Да, но лишь на предыдущих стадиях испытания. Близится завершение, и его пройдет лишь самый предсказуемый из вас. Почтенные храбрецы, я предсказываю, что очень скоро

колодец, в котором вы находитесь, будет доверху заполнен водой. Но это отверстие в потолке широкое, чтобы один из вас смог дышать, просунув в него нос. Он-то и останется в живых. На рассвете я спущу воду, и самый предсказуемый из вас, то есть тот единственный, кто, согласно моему предсказанию, выживет, ценой гибели остальных, получит все золото, которое вы украдли, и возможность заработать намного больше. Если он не захочет оставаться в моем доме, я отпущу его на все четыре стороны. Но мне почему-то кажется, что он захочет. Я даже рискну предсказать, что захочет. По крайне мере, раньше никто не отказывался.

— Ах ты, горбатая свинья! — возмутилась шемитка. — Ты не боишься, что этот единственный выживший проткнет твое мерзкое брюхо, а?

— Очаровательная Дорида, — последовал невозмутимый ответ, — ты одна может безбоязненно осыпать меня ругательствами, ибо у тебя нет ни малейшего шанса пройти испытание. После того случая в опочивальне я вычеркнул тебя из списка претендентов. Тебе действительно удалось расправится с одним из моих слуг и найти приятелей, но это просто недоразумение. Всем остальным я советую не плевать в колодец — или правильнее сказать, из колодца? Я не люблю нелестных отзывов о своей внешности.

Он умолк, и из дюжины отверстий вокруг светлого пятна ударили сильные струи холодной воды.

— Ну что ж, — глухо произнесла Саба за спиной Конана, — плетьью обуха не перешибешь. Давайте разбираться, кто из нас самый предсказуемый.

Конан обернулся и увидел в руке обнаженной красавицы бронзовый нож. Фефим с печальным вздохом достал длинный тонкий кинжал, Дорида выругалась и схватилась за короткий меч. Пролаза затравлено посмотрел на товарищей по несчастью и вытащил из-за пазухи шпильку с обломанным зубцом.

— Ему только этого и надо. — Киммериец мотнул головой, указывая вверх.

— А что посоветуешь делать? — Жонглер косился по сторонам — то ли выбирал, на кого напасть, то ли ждал атаки.

— Дорида, сердце мое, — увещевающе произнесла Саба, — тебе-то какой резон дергаться? Все равно Очаровашка тебя прикончит. Слышала, что он сказал? Ты его больше не интересуешь. Лучше отдай мне меч и отойди в сторонку, а? Это уже не твоя игра.

— Заткнись, дрянь бесстыжая! — буркнула Дорида, приподнимая меч. — А что с тебя начну.

— Погодите, — сказал Конан. — Я попробую с ним договориться.

— Шутишь, котик? — Саба фыркнула.

— Саба, тебе же ясно сказано: заткнись, — сказал киммериец. — Убери нож. Если до драки дойдет, у тебя не будет ни малейшего шанса. Я тут самый предсказуемый. Всех положу! Или кто сомневается?

Саба снова фыркнула, но остальные промолчали, мрачно глядя на огромного северянина и его двуручный меч. И светловолосая разбойница не посмела сказать «я сомневаюсь».

Конан достал из-за пазухи маленький сверток. Развернул на ладони кожаный лоскут, двумя пальцами поднял нечто желтое, плоское, блестящее. Показал всем.

— Лунная Льдинка! — выдохнул Фефим.

— Ух ты! — восхитился Пролаза.

— Какая прелесть! — хором восклекнули женщины.

Лунная Льдинка играла мириадами оттенков желтого. Под снопом рассеянного света, что падал с потолка, ее грани рождали тысячи миниатюрных чарующих сполохов. По

стариной хауранской легенде, тот, кто хоть раз видел этот редчайший шестиугольный кристалл, влюблялся в него на всю жизнь.

— Откуда он у тебя? — спросил Фефим.

— Так это ты прикончил Халима Баши? — улыбнулась Саба.

Конан не ответил. Он шагнул к Пролазе. Тот в страхе отпрянул, но киммериец поймал его за шиворот. Подтянул к себе, сказал несколько фраз и отдал веревку и свой кошелек.

Потом Конан обернулся к Фефиму. Тот выслушал и кивнул.

— Попробую.

— Второго шанса он нам не даст, — предупредил киммериец. Они уже стояла по колено в воде. И не спешили подняться на верхнюю, пока еще сухую, ступеньку.

— Паквид! — закричал Конан во все горло. — Паквил Губар! Ты слышишь меня? Это я, Конан! Я хочу откупиться. Я готов отдать Лунную Льдинку!

Отверстие на миг потемнело — Паквид Губар заглянул в колодец. Конан держал Льдинку на поднятой ладони, она сверкала даже в полумраке. Шум воды стих — холодные струи больше не хлестали в каменный мешок.

— Лунная Льдинка бесценна, — сказал киммериец. — По крайней мере, она стоит гораздо больше, чем твой особняк вместе со всем золотом. Смотри, Паквид, — разве она не прекрасна? И она будет твоей, если отпустишь нас живыми.

— А если, — хрипло спросил Паквид, — я отпущу только тебя?

— Всех! — отрезал Конан. — Таково мое условие. Если не согласен, будем и дальше играть в твою игру, но сначала я разобью Льдинку вдребезги. А за осколки ты не выручишь и гроша. Что тут думать, Паквид? Соглашайся.

— Отдай Льдинку, — сказал Паквид, — и уходи со всем золотом.

Конан рассмеялся.

— Привык торговаться, ростовщик? Что ж, я поднимаю цену! Наши жизни и это золото, на меньшее я уже не согласен.

Паквид помолчал. Затем неуверенно произнес:

— Зачем мне этот камень? Он же заговорен, его нигде не спрячешь.

— В твоем замке такие заговоры не действуют, — уверенно возразил Конан. — Зря ты, что ли, колдовству учился? Умеешь прятать краденое.

— На худой конец, дашь на лапу начальнику стражи, — крикнула Саба, — он тогда днем с огнем твой камешек не найдет.

Снова наступило молчание. Паквид боролся с соблазном.

— А вдруг это подделка? — произнес он наконец.

— Шутишь? — усмехнулся Фефим. — Лунную Льдинку подделать невозможно.

— У меня глаза слабые, — солгал Паквид. — Вижу, светится что-то, да только не разглядеть...

— Ладно, — уступил Конан. — Посмотреть дадим. Саба, ты самая легкая, забирайся ко мне на плечи. Подними Льдинку на ладони, да только смотри, как бы он не сцепал. С него станется.

— Да ладно тебе, — сказал Паквид. — Я же так высоко. Мне до нее ни за что не дотянуться.

Конан ухватил Сабу за мокрые голые бедра, подсадил; она кошкой вскарабкалась на его широкие плечи. Фефим и Пролаза неторопливо поднялись по лестнице.

Саба подняла руку; на ее ладони плясали желтые огоньки. Они чуть померкли, когда в

потоке закрылось отверстие — Паквид приник к нему лицом.

— Ну что, убедился? — спросил Конан.

— Темно у вас, — посоветовал Паквид. — Саба, можно еще чуть-чуть повыше?

— Очаровашка, только ради тебя. — Саба поднялась на цыпочки, балансируя свободной рукой.

Внезапно с потолка свесилась толстая короткопалая рука. Пальцы растопырились и напряженно застыли; под воздействием незримой силы от ладони Сабы оторвался светящийся камешек и быстро поплыл вверх. И в тот же миг, когда он оказался в кулаке Паквида, Фефим взмахнул рукой...

Ростовщик взвизгнул от боли — длинный кинжал, брошенный метким ярмарочным артистом, нас kvозь пронзил ему запястье. И тут же поверх кинжала обмотался конец веревки, утяжеленный кошельком Конана. Паквид рванулся, не тут-то было, кинжал уперся в потолок, а затем Пролаза яростно дернул за веревку, прижал ростовщика к полу.

Саба звонко рассмеялась и спрыгнула в воду.

— Слушай меня внимательно, Паквид. — Конану пришлось кричать, так как Паквид затыкал плечом отверстие и вдобавок истошно вопил. — Да заткнись ты, ублюдок! А то руку оторву! — Он дал знак Пролазе, и тот снова из всех сил дернул за веревку.

Угроза возымела действие — Паквид умолк.

— Слушай меня внимательно, Паквид, — повторил Конан. — Если не будешь делать, что я скажу, останешься без руки. А новую отрастить тебе никакое колдовство не поможет. Для начала разожми кулак.

Окровавленные пальцы тотчас разжались, Льдинка упала в подставленные ладони киммерийца. Он удовлетворенно хмыкнул и сказал, бережно заворачивая камень в лоскут кожи:

— А теперь вели слугам выпустить нас отсюда. И учти: вздумаешь шутки шутить — я к тебе поднимусь и вторую руку оттяпаю.

— Слуги! — заверещал Паквид. — Скорее в колодец! Делайте, что вам прикажет этот проклятый киммериец! — Ростовщику явно было не до шуток.

* * *

В зарослях ореха, на почтительном расстоянии от особняка, решено было расстаться. Первой ушла Дорида, буркнув Конану «спасибо» и кивком простившись с остальными. Потом саба надела платье, а золото пересыпала в штаны бритоголового слуги, который вывел беглецов за ворота и в награду получил по макушке тяжелой рукоятью краденного ножа. На вопрос Конана «под которым фонарем тебя искать, красотка?» она рассмеялась и ответила, указывая на свой подбитый глаз: «Только под этим, котик». И ушла, сгибаясь под тяжелой ношей. Пролаза, счастливый донельзя, долго и сбивчиво благодарила киммерийца и жонглера, а на прощанье сказал: «Друзья! Понадобится ночная работенка — спросите Пролазу. Меня в городе каждая блоха знает».

Наконец Конан и Фефим остались наедине. Они не спешили прощаться.

— Дал-таки маху старина Паквид, — сказал Фефим, чтобы нарушить затянувшееся молчание.

— Да, подвела его предсказуемость, — кивнул Конан.

— Ну а все-таки, — взял быка за рога жонглер, — откуда у тебя Лунная Льдинка?

— А ты как думаешь?

«С тела бедолаги Халима», — хотел было сказать жонглер, но промолчал. Однако киммериец, прочитав ответ в его глазах, отрицательно покачал головой.

— Баррак? — догадался вдруг Фефим. — Ты, когда вязал его, сверток нашупал под набедренной повязкой? Да?

Конан кивнул.

— Вот, значит, почему он на золото даже не глядел. И то сказать, на что оно — при таком-то богатстве! Хотел, бедолага, в замке Паквида Льдинку схоронить...

— А тебя сотник стражи послал? — спросил в свою очередь Конан. — Лунную Льдинку искать?

Жонглер улыбнулся.

— И как ты догадался, что она у Паквида в особняке?

Фефим рассмеялся.

— А где же еще она могла без следа исчезнуть?

— Надо же, а ведь я ни сном, ни духом, что ты... Взаправду, что ли, жонглер?

— Взаправду, — подтвердил Фефим. И добавил, словно оправдываясь: — Сотник большие деньги посулил.

— А почему он сам к Паквиду не наведался? Взял бы два-три десятка крепких молодцов да потряс горбуна хорошенько...

— Ну, что ты! — отмахнулся жонглер. — Разве так у нас в Шадизаре дела делаются? Да тронь сотник Паквида хоть пальцем, завтра же с должности слетит. У ростовщика все схвачено.

— Еще бы, — кивнул Конан. — При таких-то деньжицах...

— Кстати, о деньжицах, — сказал Фефим. — Кошелек ты свой Паквиду оставил.

— Ну и что?

— А я сотнику Лунную Льдинку обещал.

Конан промолчал, лишь улыбнулся краешком рта.

— Как ему докажешь, что не ты Халима Бashi на Серые Равнины спровадил?

Фефим снова не дождался ответа.

— И ведь на стороне не продашь — заговоренная, — напомнил он. — Не обратно же к Паквиду нести.

Конан повернулся и взглянул на особняк. На высокую арку наглухо запертых ворот. На зловещие темные полуовалы окон и грозные лики горгулий. Казалось, замок глубоко уязвлен и пристыжен; казалось, он не успокоится, пока не воздаст обидчикам сторицей. Конану стало слегка не по себе.

— Все паквидово золото, что я вынес, — хрипло произнес Фефим, — за Льдинку. Идет?

Конан печально вздохнул и сунул руку за пазуху.